

«Политические поведения» и «украшенное слово»: искусство речи и модели политического в Европе и России XVI-XIX вв.

15-16 марта 2018 г.

НИУ ВШЭ / ГИИМ

За несколько последних десятилетий исследования различных направлений – от структуралистской филологии (Ю. М. Лотман, Поль де Ман, Р. Лахманн) и литературоведения «нового историзма» (В. Кан) до Кембриджской школы истории политических языков (Кв. Скиннер) – выявили фундаментальную и разнонаправленную связь между риторикой и сферой политического в России и Европе Нового времени. Принципиально важным результатом этих работ стало осмысление риторики и политики не только как набора акторов/авторов и практик, но и как смежных сфер теоретической рефлексии, концептуальных пластов или «моделирующих систем», сложным образом манифестирующих себя в текстах, практиках и событиях. Общей проекцией этих теоретически-нормативных дисциплин были переплетенные между собой в сложной эволюции представления о языке и речи, о государстве и суверенитете, и о субъекте-подданном (subject, sujet).

Язык, упорядоченный по законам риторики и смежных дисциплин грамматики и поэтики, оказывался одновременно медиумом и теоретической моделью, «грамматикой», политического. Феофан Прокопович в своем курсе риторики 1704 г. настаивал, что красноречие «исполняет в высшей степени серьезные дела на форуме и в судах, в куриях, в сенате, в чертогах царских». Руссо отождествлял язык с регламентированными формами его публичного употребления, т.е. риторикой, и считал его ключом к политическому строю: «В древние времена, когда убеждение являлось общественной силой, красноречие было необходимо. <...> любой язык, которым нельзя заставить слушать собранный вместе народ, есть рабский язык. Невозможно, чтобы остался свободным народ, пользующийся таким языком». Как теоретическая практика и теория медиальных практик, риторика выступала матрицей политического тела, обеспечивала связность политической общности, производила тропы суверенитета вместе с ролевыми моделями службы и подчинения ему. Несмотря на минимальную роль публичного красноречия в «абсолютистских монархиях», риторические руководства как таковые вместе с их производными – учебниками придворного поведения, письмовниками и пр. – продолжали производить и фиксировать авторитетные модальности письменного и устного высказывания, понятого как узловой момент политического поведения и оформления себя (self-fashioning). Неслучайно реформы в России, начиная от петровских и заканчивая Великими, подчеркивали утопически-дискурсивный характер регулярной государственности Нового времени и требовали резкого обновления риторического инструментария в самом широком смысле: литературного языка, системы категорий и аргументов, набора книг, светского и служебного этикета и пр.

Благодаря проекту ГИИМ «Трансфер европейских общественно-политических идей и переводческие практики в России XVIII в.» и смежным исследованиям постепенно обнаруживается фундаментальная причастность России имперского периода к общеевропейскому политическому языку. Как и на Западе, в России усваивалось политическое учение Гоббса, рассматривавшее риторическое управление языком как важнейший фактор существования государства, и читались тексты Юста Липсия, выстраивавшего этику «абсолютизма» на основании гуманистских дисциплин: филологии классических текстов и ее риторического использования для анализа и регламентации новоевропейской политической ситуации. На этом основании в предстоящей конференции предполагается объединить доклады о

европейской и русской политической культуре XVI-XIX в. Не отказываясь от формы *case study*, мы тем не менее предлагаем перейти от дискретного и описательного рассмотрения отдельных эпизодов, авторов и сегментов политического языка («понятий») к теоретически отрефлектированному анализу риторического и политического как соотнесённых культурных и концептуальных категорий. Обе они понимаются при этом максимально широко. В сферу политического входит политическая теория, политическое воображаемое (образы и тропы властных отношений в художественных и иных текстах) и язык практической политики. Понятие риторического включает в себя как разные концепции «языка» как такового, так и разные формы регламентации речи: поэтику, грамматику, письмовники и учебники (речевого) поведения.

Для рассмотрения предварительно предлагается следующий круг вопросов:

-- Теоретические соотношения риторики и сферы политического. Как понимались функции риторики и «языка» в политическом мышлении? Каковы были политические импликации риторических и поэтологических учений? Сходно или различно толковалось соотношение политики и риторики в двух этих, и других, дисциплинарных полях и формах теоретической речи?

-- Политическая теория как риторика. Политические сочинения рассматриваются обыкновенно с точки зрения истории идей, без рефлексии их дискурсивной «формы». Категория риторического позволяет обратить внимание на осмысленность и сконструированность политического текста, его жанровой формы и фигуративного языка. Как выбирался и строился язык политических высказываний? Каковы были его риторические образцы и стратегии? Как соотносилось риторическое устройство текста (авторский голос, фигура адресата, формы изложения) с его политическими концепциями? Как риторический статус текста сказывался на его рецепции и репутации?

-- Политическая теория литературных форм. Поэтика литературы чаще всего анализируется в перспективе эстетической автономии, которая, однако, представляет собой конструкт конца XVIII в. И до, и после его появления художественные тексты обладали риторическими свойствами и функциями: при помощи определенных приемов (тропов и жанровых форм) они артикулировали политически заряженные сообщения и адресовали их определенной, социально и политически локализованной аудитории. Так, в частности, понималось устройство двух важнейших политических романов XVII в. – «Аргениды» Дж. Баркляя и «Похождений Телемака» Фенелона. Каковы были политические импликации разных литературных форм? Как соотносились политические и художественные стратегии? Как соотносилась художественная выразительность и риторическая убедительность?

-- Политическая топика. Представления о политическом в значительной степени определялись тропами: например, государство уподоблялось зданию, кораблю, человеческому телу и его производным -- машине и великану. Эти фигуры не были автоматизированными «общими местами», но служили формами политического знания и инструментами убеждения, действенными риторическими инструментами утверждения консенсуса или борьбы с ним. Каковы были политические функции и импликации этих тропов? Как их риторическое или поэтическое воздействие соотносилось с конструкциями государственности и политической публики?

-- Конструирование политического пространства и субъекта. Исходная риторическая ситуация – свободный оратор обращается к собранию уполномоченных граждан – стала в начале Нового времени предметом разнообразных апроприаций, вписывавших риторический акт в иные политические реалии. Риторика оставалась при этом полем разработки разнообразных конструкций публичной сферы и тесно связанных между собой ролевых моделей автора и читателя, политического субъекта по обе стороны дискурсивного акта. «Абсолютистские» учебники поведения и письмовники учили выстраивать персону говорящего по законам придворного вежества, угождения патрону и безусловной покорности властям. Противоположной

фигурой авторства был «законодатель» -- политик и теоретик, предписывающий законы своему государству. Кант в статье «Что такое Просвещение?» наделяет каждого автора полномочиями законодателя и правом на критику, но ограничивает действие этих прав особой публичной сферой публицистических дебатов, обособленных от действительной власти. Как различные дискурсивные практики конструировали политические роли автора и читателя? Какую модель публичной сферы они (вос)производили? Какими медиальными и дискурсивными средствами осуществлялось это производство?

Оргкомитет:

Михаил Велижев (НИУ ВШЭ)

Андрей Костин (ИРЛИ [Пушкинский Дом] РАН / НИУ ВШЭ)

Кирилл Осповат (Humboldt-Universität Berlin)

Сергей Польской (НИУ ВШЭ/ГИИМ)

Владислав Ржеуцкий (ГИИМ)

Список литературы

- Атнашев Т., Велижев М. «Context is king»: Джон Покок — историк политических языков // Новое литературное обозрение. № 134 (4/2015).
- Лакманн Р. Демонтаж красноречия. Риторическая традиция и понятие поэтического. СПб., 2001.
- Лотман Ю. М. Очерки по истории русской культуры XVIII – начала XIX в. // Из истории русской культуры. Т. IV. XVIII -- начало XIX в. Москва: Языки русской культуры, 1996.
- Лотман Ю. М. Слово и язык в культуре Просвещения // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Т. 1. Таллинн, 1992.
- Лотман Ю. М., Успенский Б. А. К семиотической типологии русской культуры XVIII века // . // Из истории русской культуры. Т. IV. XVIII -- начало XIX в. Москва: Языки русской культуры, 1996.
- Ман Поль де. Обещания (“Общественный договор”) // Ман Поль де. Аллегии чтения. Фигуральный язык Руссо, Ницше, Рильке и Пруста. Екатеринбург, 1999.
- Evrigenis, I. Images of Anarchy: The Rhetoric and Science in Hobbes's State of Nature. Cambridge, 2014.
- Kahn, V. Machiavellian Rhetoric: From the Counter-Reformation to Milton. Princeton, 1994.
- Koselleck, R. Critique and Crisis: Enlightenment and the Pathogenesis of Modern Society. Boston, 1988.
- Skinner, Q. Reason and Rhetoric in the Philosophy of Hobbes. Cambridge, 1996.
- Whigham, F. Ambition and Privilege: The Social Tropes of Elizabethan Courtesy Theory. Berkeley, 1984.